

ДВЕ АКТРИСЫ, ОДНА РОЛЬ

Есть немало юношей и девушек, которые не видят разницы в понятиях «пьеса» и «спектакль», считают, что образ, созданный драматургом, может иметь только одно единственное, заранее определенное автором сценическое решение. Между тем каждая роль, сыгранная на сцене, всегда несет на себе печать индивидуальности исполнителя. Актер зачастую обогащает роль, открывает нам в сценическом образе новые грани.

Предлагаемая статья дает разбор различного актерского подхода к сценическому воплощению одной роли двумя актрисами на примере комедии Бернарда Шоу «Пигмалион». Этот спектакль идет на сцене Орловского театра.

Древнегреческий поэт Овидий рассказал о скульпторе Пигмалионе и созданной им статуе девушки, которая ожила. Сказание это неоднократно перелагалось писателями более поздних времен как притча о всепобеждающей силе любви. Обратился к этой легенде и Бернард Шоу, которого в Англии называли одновременно шутом и пророком, клоуном и святым, арлекином и мудрецом. Называли так, потому что в произведениях этого великого насмешника находили удивительное сочетание серьезных мыслей и шутовства, потому что он смеялся над тем, что с позиций буржуазной морали было свято.

Бернард Шоу, оттолкнувшись от древнегреческого мифа, создал свой, как всегда неожиданный, словно бы «на выворот» вариант традиционной темы. События в комедии английского драматурга происходят в Англии, в современном Шоу Лондоне. (Пьеса написана в 1912 году). Вместо легендарного античного скульптора в пьесе выведен вполне реальный профессор-филолог Генри Хиггинс — оригинал и чудака. Он заключает пари, обещая обучить правильному произношению уличную цветочницу Элизу Дулитл так, что через несколько месяцев ее нельзя будет отличить от герцогини... Такова довольно интригующая завязка пьесы, занятой уже по самой своей сюжетной основе.

Но Орловский драматический театр и постановщик спектакля Х. А. Горин слишком узко поняли бы свою задачу, если бы ограничились лишь внешней, событийной канвой пьесы, не вскрыв ее обличительный, социальный характер.

Повествование о цветочнице Элизе Дулитл — это не рассказ о счастье уличной девочки, которой повезло. Это история женщины, ставшей несчастной вследствие того, что она, вырванная из привычного существования, поняла всю зыбкость своего положения в мире, где правят деньги. Под влиянием уроков профессора она стала утонченной, развила свои чувства и ум, но осталась такой же нищей. Хиггинс выступает по отношению к Элизе не в роли благодетеля. Для него девушка — неподатный материал. Не больше. Не случайно Элиза сравнивает его с автобусом. «Претсе себе вперед, — говорит она Хиггинсу, — и ни до кого вам дела нет...»

Театр, верно поняв сатирическую тенденцию пьесы, сыграл ее не как мелодраму со счастливым концом, а как сатирическую комедию, направленную против буржуазного общества, где ничего не стоит растоптать чувства и достоинства человека. Именно в таком толковании истории цветочницы обе исполнительницы О. Богданова и С. Вилинская, играющие поочередно роль Элизы Дулитл, нашли богатейший материал для создания многогранного сценического образа. При этом каждая из них сумела внести в сценическое прочтение роли свое видение, свое понимание характера Элизы и свое индивидуальное к ней

отношение. Роль одна, а сыграна она по-разному.

Идет сцена в кабинете Генри Хиггинса. Элиза — Богданова, смешная и нелепая в каком-то пестром, чрезвычайно безвкусном наряде, пришла к всемирно известному профессору, чтобы учиться правильному произношению. Без этого ее не возьмут в цветочный магазин. Множество самых разнообразных оттенков чувств показывает актриса в этой сцене. Здесь и понятная робость уличной девочки, впервые попавшей в роскошный особняк богача, и напускное нахальство, чтобы скрыть эту робость, и наивная хитрость, направленная на то, чтобы выгодать в плате за учебу, и, наконец, оскорбленное достоинство. Правда, здесь ее не оскорбляют в общепринятом смысле. Хотя в ее адрес и произносятся немало шутливых угроз. Хиггинс поступает с ней гораздо хуже, просто не считает за человека. Он говорит о ней совершенно так, как мог бы говорить о бесчувственной вещи. Сцена эта выстроена режиссером спектакля Х. Горниным по принципу музыкальной фуги. Темы Хиггинса и Элизы идут параллельно, иногда переплетаясь, повторяясь в разных вариациях. Три раза Элиза, оскорбленная в лучших своих помыслах, решительно направляется к двери, чтобы навсегда покинуть особняк Хиггинса, и трижды в последний миг она отказывается от решительного шага. Что же задерживает ее в особняке Хиггинса? Любопытство? Желание, несмотря ни на что добиться своей цели — стать продащицей цветочного магазина? А может быть, неосознанное преклонение перед Хиггинсом, перед его талантом, человеческим обаянием? Или, наконец, случайно оброненное приятелем Хиггинса Пиккерингом обращение: «Мисс Дулитл», которое заставило Элизу на мгновение почувствовать себя человеком? Вероятно, и то, и другое, и третье.

Актриса Богданова в этой сцене более темпераментна, ее героиня более нелепа и смешна, чем Элиза — Вилинская. При этом надо отдать должное Богдановой. Она нигде не переходит ту опасную грань, где бы наивность цветочницы обернулась непроходимой тупостью, а ее вульгарность вызвала бы презрение. Она жалка, но не омерзительна, простодушна, но не глупа. Зритель искренне потешается над несурзностью поведения маленькой цветочницы, смотрит на нее как бы глазами обитателей особняка на Уимпол-стрит. Действительно, ее пребывание здесь неуместно, а поведение бесполое. Но разве отношение автора пьесы к Элизе равнозначно позиции, занятой Хиггинсом, для которого цветочница лишь «подопытный кролик»? Почему же на протяжении этой сцены все, что говорит Хиггинс, вызывает лишь улыбку, почему зритель не перестает симпатизировать профессору? Ведь он, в сущности, жесток,

холодеп и глубоко равнодушен к бедной девушке. В этом есть, конечно, просчет исполнителя роли Хиггинса артиста Ю. Саркисова, в целом создавшего интересный, привлекательный образ эксцентричного ученого, однако отнюдь не склонного осуждать своего героя. Но и Богданова в первых сценах несколько упрощает этот сложный образ. При всей неотесанности Элизы — такой вульгарной и грубой — в ней таятся не только естественные человеческие чувства, но и природная одаренность, позволившая ей с успехом воспринять уроки Хиггинса. Думается, что актрисе и в первых сценах следовало бы где-то, может быть, вторым планом ярче высветлить то доброе, что есть в Элизе Дулитл.

Вот почему в сценическом рисунке Вилинской, в целом более сдержанном, чем исполнение Богдановой, слова Элизы: «Какие у всех людей чувства, такие и у меня» звучат как протест поруганного достоинства. Эти слова сразу придают эпизоду, до сих пор звучавшему в комедийном плане, совсем другую, чуть ли не трагическую тональность.

Несходство актерской трактовки одной и той же роли особенно ощутимо в четвертой, предпоследней сцене спектакля. В эту ночь в особняке на Уимпол-стрит Элиза впервые заговорила не как цветочница, не с чужого голоса, а как равный Хиггинсу человек. Глубоко оскорбленная его равнодушием, ненавистью его и восхищаясь им одновременно, она напрямик высказывает своему наставнику все, что думает о нем. Происходит тот самый взрыв чувств, мыслей, уязвленного женского самолюбия, который незаметно, исподволь подготавливался и зрел. Да, цветочница помогла Хиггинсу выиграть пари. Начала не только внешне походить на светскую даму, но — и это явилось полной неожиданностью для Хиггинса, — внутренне изменилась, стала вровень с ним и, вместе с тем, оказалась более легко ранимой, осознала свое двусмысленное положение в обществе. Бурно, с нарастающим напряжением проводит эту сцену Богданова. После ухода Хиггинса она в своем нарядном вечернем туалете бросается навзничь, катается по полу, лихорадочно разрыскивает брошенное в золу камня подаренное Хиггинсом колечко, а затем снова швыряет его в печь. И все же Богданова в этой сцене играет свое поражение. Ей не удалось заставить Хиггинса оторваться от привычного взгляда на нее как на «подопытный» материал, не удалось убедить профессора, что она равный ему человек.

Вилинская же в этом кульминационном эпизоде играет в другом ключе. Она одерживает пусть еще первую и не окончательную, но все же значимую победу над Хиггинсом. Ей впервые удалось вывести его из равновесия, вызвать ярость, хоть немножко с ним посчитаться за выпавшие на ее долю унижения.

...Когда после заключительной, финальной сцены опустится занавес, зритель не уйдет равнодушным из театра. Он унесет в памяти образ маленькой лондонской цветочницы, которая гордо восстала против сытого самодовольства, против ханжеской морали богатых и их презрительного равнодушия к неимущим. Он запомнит, как эта слабая, но мужественная молодая женщина отстаивала свое человеческое достоинство. И пусть Элиза Дулитл в исполнении Богдановой будет несколько иной, чем Элиза, сыгранная актрисой Вилинской. Это не меняет общего гуманистического звучания образа. Вдумчивый зритель, сравнивая эти две работы, найдет в каждой из них свои открытия, свои сильные стороны. Каждая из актрис, работая над ролью, принесла в нее что-то от себя, от своего опыта, от понимания жизни — частицу своей души, обогатив этим самым образ, созданный драматургом.

А. МАНДЕЛЬ.